

Ли Жуань очень скоро понял, что двойное культивирование совершенно не такое, каким он его себе представлял.

И вовсе не такое, как было написано в книге.

Он никогда ещё не сталкивался с настолько странным и сложным способом практики.

Не то что про себя повторять формулы упражнений — даже просто дышать ровно и не плакать оказалось невероятно трудно.

Цзян Шэнь прижимал его к камню, потом переносил в горячий источник — стоило Цзян Шэню коснуться его, как Ли Жуань захлёбывался дыханием.

Позже даже сам Цзян Шэнь засомневался:

— Я... я плохо делаю?

Но дело было не совсем в этом.

Лисы-оборотни по природе изящны и очаровательны, их тела наиболее подходят для двойного культивирования.

Именно поэтому они особенно чувствительны: в обычные моменты этого не видно, но когда чувства вспыхивают, стоит лишь коснуться основания хвоста — и всё тело подрагивает.

А уж остальное и подавно.

Но Цзян Шэнь этого, конечно, не знал.

До этого он лишь слышал от людей байки, будто раса оборотней невероятно вынослива, а ещё... за последние месяцы он и сам иногда был слишком резким и слишком взволнованным, когда маленький лис дразнил его.

Так что и в этот раз он слегка потерял контроль.

В общем, когда у Цзян Шэня всё закончилось в первый раз, Ли Жуань так плакал, что даже не видел перед собой.

Как только Цзян Шэнь его отпустил, тот — снова стал маленьким лисёнком, и, не обращая внимания на мокрую шерсть, кое-как переплыл на другую сторону источника, подальше от него.

И... продолжал всхлипывать.

Цзян Шэнь был молод, кровь кипела, тихий огонь внутри ещё не угас... но маленький лис рыдал так жалко, что у него сжималось сердце.

Он мог только говорить мягко:

— Не прячься, дай посмотреть... я тебя поранил?

— Н... нет... — всхлипнул маленький лис.

— Тебе неприятно? Больно?

— Не больно... совсем...

Не больно, не ранил — а плачет так, будто его выбрали для страшной порки.

В горячем источнике стоял туман, и в далёком уголке воды дрожал маленький красный комочек.

Плохо было видно, но тихие всхлипы слышались ясно — будто Цзян Шэнь совершил над ним какое-то ужасное насилие.

Цзян Шэнь вздохнул и осторожно спросил:

— Тогда хочешь... попробовать ещё раз?

Маленький лис замолчал.

Спустя долгое молчание он, кажется, успокоился, голос перестал дрожать:

— Я сначала хочу это... переработать... а потом... потом... подумаю, продолжать или нет.

Цзян Шэнь, которого использовали как печь для переплавки, мог только ответить:

— Хорошо.

Но всё это ненадолго.

Спустя какое-то время вода кругом взволновалась, и маленький лис подплыл к нему, снова превратился в человека.

Цзян Шэнь протянул руки и подхватил его.

Юноша выглядел так, будто его сильно обидели: глаза и кончик носа красные, как у щенка, попавшего под дождь.

Он всё ещё дрожал, когда Цзян Шэнь коснулся его плеча; казалось, он хочет отодвинуться, но заставляет себя стоять на месте.

— Я... перестарался. Это упражнение очень действенное, — сказал он тихо.

— Давай ещё.

Цзян Шэнь подумал, что он определённо самый образцовый «фуражный котёл» в мире: едва он успел отдышаться, как юноша снова серьёзен и снова требует продолжения.

Всегда готов... где ещё такую печь найдёшь?

Но он всё же робко уточнил:

— Прямо сейчас? Может, тебе стоит отдохнуть?

— Нет, — маленький лис был решителен. — У тебя мало времени. Я не могу задерживать твоё возвращение в столицу.

— Ну... ладно... — уступил Цзян Шэнь. — Тогда я буду нежнее.

— Угу.

Цзян Шэнь наклонился, собираясь поцеловать его, но Ли Жуань внезапно вспомнил:

— И ещё... можешь... можешь меня... прижать?

Он нахмурился, мучаясь:

— Истинный огонь совсем вышел...

Цзян Шэнь: — ...

Он едва сдержался:

— Если я тебя прижму... тебе станет только хуже.

— Ничего... — у Ли Жуань глаза снова покраснели, он всхлипнул. — Чтобы ты быстрее вернулся в столицу... я могу.

Цзян Шэнь внезапно понял, почему в исторических книгах так много государей, которые не любят страну, а любят красавиц.

Не говоря уже о возвращении к отцу — ему вдруг вообще не захотелось ни трона, ни столицы.

Хотя разум он всё же не потерял.

Поэтому он лишь выполнил желание маленького лиса.

Во второй раз Цзян Шэнь действительно был таким нежным, как обещал.

Очень осторожным, неторопливым, терпеливым до предела человеческих сил.

Но маленький лис заплакал ещё сильнее, чем в первый раз.

В конце концов он уже не мог всхлипывать — просто отключился и уснул в руках Цзян Шэня.

Цзян Шэнь сам отнёс его обратно в пещеру.

На самом деле он долго переживал, сможет ли он сам выдержать двойное культивирование.

Он — обычный человек, а маленький лис — оборотень. Физическая сила и выносливость расы яо куда выше.

Если бы он сам не выдержал первым — было бы стыдно до смерти.

Поэтому всё это время Цзян Шэнь ещё и тайком отрабатывал боевые упражнения, восстанавливал силу.

Но неожиданно первым не выдержал как раз маленький лис.

Когда он «не выдерживал», он не просил остановиться, не сопротивлялся — просто кусал губы, дрожал всем телом и плакал, едва его касались сильнее.

От этого хотелось ещё сильнее прижимать его, дразнить, ласкать...

Но Цзян Шэнь сдерживался — он всё-таки человек.

Да и отношения их ещё не закреплены, если он сейчас будет слишком жесток, а маленький лис восстановит силу и перестанет с ним разговаривать — потери будут куда больше.

Но у Ли Жуаня был характер: забывает есть, но не забывает тренироваться.

Каждый раз он рыдал до дрожи, а как только перерабатывал энергию — снова считал, что всё нормально.

И снова лез к Цзян Шэню: «давай ещё».

Хотя его руки и ноги всё ещё были мягкими.

— Нет, — Цзян Шэнь решительно уложил его обратно на постель. — Сегодня уже было два раза. Ты это не выдержишь. Отдыхай.

— Последний, — Ли Жуань ухватился за его рукав. — Самый последний. Я сразу спать пойду после практики...

— Нет. — Цзян Шэнь был непреклонен. — До моего отъезда ещё несколько дней, если что, я и так могу придумать повод задержаться. Зачем так торопиться?

— Но... — Ли Жуань прикусил губу.

И явно — не из-за практики.

Сначала он действительно боялся этих занятий и любил их в равной мере.

Но спустя столько дней он начал чувствовать там кое-что... иное.

Ему понравилось. Он хотел ещё.

Этот маленький оборотень совершенно не умел притворяться.

Стоило Цзян Шэню отказать — он просто потянул его на постель, перевернул и прижал сверху.

— Я хочу. Давай ещё раз, — Ли Жуань провёл щекой по его лицу. — Господин... муж... Ваше Высочество...

У Цзян Шэня перехватило дыхание.

Почувствовав перемену, Ли Жуань оторвал голову, глаза округлились.

— Ты согласен?

Цзян Шэнь сжал переносицу.

— Что ты там выкрикиваешь?

Первые два обращения он вычитал в своих же книгах, а последнее — выпросил у Ли Жуаня, когда тот в прошлый раз был задыхающимся и красным.

Тогда Ли Жуань так и не смог произнести его вслух.

Но, как оказалось, хорошенько запомнил.

И прекрасно знал, где это использовать.

Это действительно подействовало.

Ли Жуань тоже заметил эффект и стал звать его ещё мягче, ещё нежнее — голосом, от которого у Цзян Шэня таял позвоночник.

Цзян Шэнь едва держался. Он пытался говорить разумно.

— Ты же ещё недавно рыдал, говорил, что больше не хочешь. И уже забыл?

— Это было тогда...

— Но...

— А! Понятно! — Ли Жуань просиял. — Ты... боишься, что у тебя не хватит сил?

Он опёрся ладонями о грудь Цзян Шэня, глаза ясные-ясные:

— Это потому, что за последние дни было слишком много раз, и ты больше не выдерживаешь? У А-Сюэ ещё осталось много тех пилюль... хочешь принять одну-две? Тогда точно всё будет в порядке.

Цзян Шэнь сжал зубы.

В глазах Ли Жуаня мелькнул хитрый блеск — явно делал это нарочно. Но повернулся он с видом величайшей заботы, словно и правда опасался за здоровье Цзян Шэня, и уже потянулся за лекарством.

Цзян Шэнь рывком притянул его обратно.

— Плохо учишься.

Ли Жуань сделал абсолютно искреннее лицо:

— Нет, я правда переживаю за тебя. Ваше Высочество ведь возвращается в столицу, становится императором. А если здоровье не выдержит?

Цзян Шэнь рассмеялся — от ярости.

— Ладно. Сейчас покажу, выдержу ли я.

Практика длилась десять дней.

За эти десять дней Цзян Шэнь не занимался ничем другим и впервые в жизни по-настоящему понял, какой разгульной бывает жизнь развращённых царевичей.

На одиннадцатый день Цзян Шэнь проснулся утром и не смог даже открыть глаза — первым делом нащупал того, кто спал рядом.

Последние дни маленький лис каждую ночь засыпал в его объятиях.

Вчера перед сном они снова практиковали. Лисёнок устал так сильно, что так и уснул в его руках, не успев даже надеть одежду.

Ладонь Цзян Шэня привычно скользнула по его голой руке вверх, к затылку, — он хотел снова потрогать его лисьи уши.

Но не нашёл.

Цзян Шэнь слегка нахмурился, не открывая глаз, и провёл рукой по его волосам ещё раз. Кажется, потревожил — тот сонно потерся щекой о его шею:

— Не шуми...

Голос по-прежнему чистый, но ниже обычного.

Цзян Шэнь открыл глаза — ощутив неладное.

Лисёнок всегда был маленьким: его легко было полностью заключить в его объятия. Сейчас же он смог обнять его лишь наполовину. И вес... будто стал тяжелее.

Цзян Шэнь посмотрел вниз.

В его руках действительно лежал всё тот же маленький лис... но в теле произошли тонкие, но явные перемены.

Он заметно вырос.

Скрученным лежать в объятиях Цзян Шэня ему, похоже, стало неудобно — меж бровей легла едва заметная морщинка. Линии лица стали чётче, юношеская мягкость словно исчезла за одну ночь. Даже само его спокойствие, его присутствие — стали иными: более зрелыми, глубокими.

Вот теперь он действительно походил на большого оборотня.

Но, прожив столько времени рядом с яо, Цзян Шэнь уже ничему не удивлялся.

Он с удовольствием любовался обновлённой юношеской красотой своего лиса — пока тот не почувствовал на себе взгляд и не открыл глаза.

Проснувшись, Ли Жуань был всё таким же растерянным.

Потёр глаза — взгляд пустой, не успевший сфокусироваться.

Какие бы перемены ни происходили с внешностью — эта глуповатая сонная пустота в глазах не менялась.

Цзян Шэнь улыбнулся и ущипнул за щёку:

— Наконец проснулся?

Ли Жуань поднял на него взгляд — и лишь тогда постепенно осознал, что случилось с его телом.

— Я...

Он попытался резко сесть — и тут же едва не вывалился с кровати.

Эта малая постель из сена и одну-то персону вмещала натужно, а двоих — с большим трудом. Теперь же, когда Ли Жуань вырос, получилось и вовсе тесно.

Цзян Шэнь быстро перехватил его:

— Знаю, знаю, не волнуйся. — Он прижал юношу к себе, погладил успокаивающе по шее. — Манна полностью восстановилась?

Ли Жуань тихо кивнул:

— Да.

— До того, как небесная кара отбросила меня в первоначальную форму... я был таким, как сейчас, — сказал он.

— Красивый, — мягко ответил Цзян Шэнь.

Его маленький лис был прекрасен в любом облике.

И держать его в руках — было одинаково хорошо в любом виде.

Цзян Шэнь полежал, обняв маленького лиса, потом наклонился и поцеловал в макушку. Лисёнок поднял голову — он поцеловал его в лоб. Затем ниже, осторожно: меж бровей, в уголок глаза, на переносицу... а когда подошёл к губам — остановился.

Ли Жуань не дождался привычного поцелуя и моргнул в замешательстве.

Цзян Шэнь усмехнулся — вроде бы с лёгким раздражением, но гораздо больше намеренно, как будто дразня его:

— Теперь, когда твоя мана восстановилась, нам больше не нужно практиковаться. Похоже, у меня больше нет повода пользоваться твоими устами, да?

Ли Жуань сказал:

— Но ты же сам говорил, что в мире смертных так делают люди, которые нравятся друг другу.

Взгляд Цзян Шэня слегка дрогнул.

— Значит... я тебе нравлюсь?

— Нравишься... наверное. — Ли Жуань колебался.

За эти десять дней он как будто стал лучше понимать Цзян Шэня. И теперь замечал, что «нравиться», о котором говорит Цзян Шэнь, похоже, не то же самое «нравиться», что понимает он сам. Конечно, Цзян Шэнь ему нравится — но точно ли это то самое чувство, о котором говорил Цзян Шэнь? Он не был уверен.

Один простой вопрос вогнал Ли Жуаня в глубокие раздумья.

Когда он думает, он всегда чуть хмурит брови — серьёзный, но немного глупенький.

— Вот так, — сказал Цзян Шэнь.

Он ухватил его за шею, наклонился и завершил поцелуй.

— Я всё равно возвращаюсь в столицу. Подумай об этом неспеша. Ответишь мне, когда увидимся снова, хорошо?

После поцелуя он прижал лоб к его лбу; в глазах стояла мягкая, тёплая улыбка.

Ли Жуань смотрел на него какое-то время, потом медленно кивнул:

— Хорошо.

Перед возвращением Цзян Шэня в столицу им предстояло сделать ещё одно дело.

Ли Жуань обещал помочь вернуть сожжённое тайное письмо из памяти Цзян Шэня.

Это была непростая техника — даже с восстановленной маной Ли Жуань был не полностью уверен. Перед обрядом он поставил за пределами пещеры преграду, чтобы их никто не потревожил, и трижды повторил Цзян Шэню все меры предосторожности.

— Не так уж это страшно, — Цзян Шэнь сжал его руку и мягко сказал. — Я всё тщательно вспомню — место, время, каждую деталь. Не буду сопротивляться. Я пушу тебя в свою память полностью. Запомни всё.

Ли Жуань сел перед ним, скрестив ноги, и, сжав губы, спросил:

— Тогда... тогда я начинаю?

Цзян Шэнь кивнул и первым закрыл глаза.

Позу он принял совершенно расслабленную.

Ли Жуань не раз его предупреждал ранее, что в такие моменты нужно сохранять бдительность, иначе это может быть опасно.

Если бы такое случилось несколько месяцев назад, Цзян Шэнь точно не позволил бы никому так легко проникать в свою память.

Но сейчас...

Это его маленький лис.

Он хотел доверять ему полностью.

Он никогда ничего от него не скрывал.

Ли Жуань тоже закрыл глаза, прошептал заклинание и медленно поднял руку, положив кончики пальцев между бровей Цзян Шэня.

Для Ли Жуаня на пике силы проникнуть в человеческую память не было бы трудно. Такое внимание и осторожность — ради безопасности Цзян Шэня. Если тот станет сопротивляться или начнёт инстинктивно выталкивать его сознание, Ли Жуань мог бы случайно причинить вред.

Но Цзян Шэнь не сопротивлялся вовсе.

И когда Ли Жуань вновь открыл глаза — он уже стоял в комнате.

Его вернуло в прошлое, в память Цзян Шэня.

Это была спальня. За окном стояла тёмная ночь. Цзян Шэнь сидел один за письменным столом и читал что-то. Пламя свечи дрожало, отбрасывая на его лицо яркие и тёмные блики.

Ли Жуань тихо подошёл к нему.

С первого дня, как он встретил Цзян Шэня, он думал, что тот очень красив...

Но Цзян Шэнь в этой памяти был совсем не тем, кого Ли Жуань знал обычно. На нём был синий парчовый мундир, волосы убраны под корону. От макушки до каблуков — безупречный. Он ничего не говорил, но весь его вид словно предупреждал: никому не входить.

Ли Жуань засомневался — если бы он впервые встретил такого Цзян Шэня... посмел бы он тогда затащить его в пещеру?

Он всерьёз задумался над этим, но ответ найти не успел — в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Цзян Шэнь.

Голос был холодный, глубокий — таким он никогда не говорил с Ли Жуанем.

Такого Цзян Шэня Ли Жуань видел впервые.

Вероятно из-за особенностей памяти лицо вошедшего было размытым, но это не имело значения — Ли Жуань видел, как тот недолго разговаривает с Цзян Шэнем и передаёт ему письмо.

Наверняка то самое письмо, которое им нужно.

Гость вскоре ушёл, Цзян Шэнь вскрыл конверт, и Ли Жуань стремглав подбежал — смотреть и одновременно колдовать.

На его ладони медленно проявлялась точная копия письма.

Ли Жуань сосредоточенно колдовал, стоя рядом с Цзян Шэнем, и вдруг тот поднял голову — будто что-то почувал.

Холодный, как ледяной клинок, взгляд пронзил пространство, и Ли Жуань от неожиданности застыл.

Конечно, Цзян Шэнь из памяти не мог его видеть, и после короткого взгляда снова опустил голову, продолжив читать.

А вот Ли Жуань ещё долго не мог прийти в себя.

Спустя мгновение он поднял руку и коснулся груди.

Бум. Бум. Бум.

Сердце билось так сильно, что перекачивалось в рёбрах.

Почему? Только ведь мельком посмотрел...

Странно. Очень странно.

Когда Цзян Шэнь закончил читать письмо и поднёс его к свече, чтобы сжечь, Ли Жуань торопливо завершил копирование, больше не смея смотреть на него, и выбежал из комнаты.

Но и выйдя, он не успокоился — сердце всё так же трепетало.

Он перевёл дух и коснулся лица — оно было горячим.

Глупости какие...

Он был озадачен, смущён и совершенно не понимал, что с ним.

Дальнейшие воспоминания о том, как он отошёл от комнаты, словно стёрлись. Он уже стоял в дворе, затем сотворил следующую печать — и пространство вокруг потонуло в белизне.

Это было внутреннее пространство памяти Цзян Шэня.

Память любого существа — это длинный коридор, где хранятся все воспоминания его жизни.

Какие-то стираются с годами, какие-то — остаются навсегда.

Ли Жуань уже пытался когда-то заглядывать в глубины своей собственной памяти — но там был лишь пустой коридор. Его прошлое уничтожил Небесный Гром.

Но у Цзян Шэня всё было иначе.

Под ногами Ли Жуаня протянулась дорожка света, а по обеим сторонам — бесчисленные фрагменты жизни Цзян Шэня. Светлая лента тянулась так далеко, что конца её не было видно.

Ли Жуань знал, что у оборотней память бывает длинной — они живут веками.

Но у смертного?..

Откуда столько воспоминаний?

Он пошёл по световой дорожке.

Смотрел — и понял: что-то не так.

Хотя лицо в воспоминаниях всегда принадлежало Цзян Шэню, одежда, манеры, окружение — всё было чужим, не его.

Это были воспоминания прошлой жизни.

Все живые существа перед перерождением пьют суп Мэнпо, чтобы забыть своё прошлое.

Но по какой-то причине память Цзян Шэня не была очищена — она лишь заперта, глубоко спрятана.

И не одна жизнь.

Ли Жуань медленно провёл взглядом по световым фрагментам.

Каждая отражала разную эпоху, разную судьбу — но одно лицо.

Цзян Шэнь.

Цзян Шэнь.

Цзян Шэнь.

Снова и снова.

Нищета, рабство, врождённые уродства.

Цзян Шэнь в каждой жизни был человеком — но в каждой своей прошлой реинкарнации жил несчастно.

Были даже такие жизни, где он умирал вскоре после рождения.

Ли Жуань просмотрел одну память за другой — и ни в одной Цзян Шэнь не имел хорошей смерти.

Ли Жуань тихо пробормотал:

— Сколько же зла ты совершил раньше...

В этом мире существует равновесие добра и зла.

Если злодей не наказан небесами, он не будет снова и снова рождаться в болезнях, нищете и мучениях.

— Но в этой жизни у тебя всё будет хорошо, — сказал Ли Жуань.

Жизнь Цзян Шэня была жизнью богатства и чести, судьбой драконьего наследника — он рождён быть благородным. Ли Жуань увидел это с первой же встречи.

Но подобные вещи — тайна, её нельзя раскрывать, иначе это приведёт к большим неприятностям.

Поэтому он никогда не говорил об этом Цзян Шэню.

Он перестал смотреть прошлые жизни и быстро пошёл вперёд — пока не нашёл то, что искал.

В той памяти — раненный Цзян Шэнь, лежащий в снегу, открывающий глаза и видящий маленького лисёнка, сидящего у него на груди.

День их первой встречи.

Ли Жуань тихо прошептал заклинание, и лисёнок из памяти превратился в слабое красное свечение, которое мягко опустилось ему на ладонь.

Свет свился в прозрачный стеклянный шарик — внутри мерцала крошечная тень лисёнка.

Ли Жуань долго смотрел на него, затем осторожно убрал.

Это была вся память Цзян Шэня о нём.

Ли Жуань открыл глаза.

Магическая аура растворилась, но Цзян Шэнь всё ещё сидел с закрытыми глазами — словно не проснулся.

Ли Жуань наклонил голову.

По логике, после снятия заклинания он должен был бы очнуться.

— Цзян Шэнь, — позвал он.

Ответа не последовало.

Ли Жуань нахмурился, дёрнул его за рукав:

— Цзян Шэнь? Цзян Шэнь, проснись.

Он давно не использовал такие заклинания и знал их плохо. А теперь Цзян Шэнь не приходил в себя — и он начал паниковать.

— Цзян Шэнь, что с тобой? Проснись же!

Губы Цзян Шэня дрогнули. Глаза были закрыты, но он тихо прошептал, с улыбкой в голосе:

— Глупый лисёнок... В той книжке, которую ты читал, сейчас ты должен меня поцеловать. Поцеловать — чтобы я проснулся.

Ли Жуань: —...

Ли Жуань: —Ты меня напугал!

Он сердито фыркнул и хотел уйти, но Цзян Шэнь быстро схватил его:

— Я виноват. Просто пошутил. Не сердись.

На этот раз Ли Жуань и правда испугался, поэтому только обиженно отвернулся:

— Ты плохой.

— Я и правда был неправ, — Цзян Шэнь не думал, что он так разволнуется. Он обнял его, погладил по волосам. — Хочешь — извинюсь как скажешь. Исполню любое твоё желание.

— Ничего не надо, — буркнул Ли Жуань, — лишь бы ты был в порядке.

Глупый лисёнок. Даже злиться толком не умеет, даже ругаться не умеет.

Цзян Шэнь растрогался, наклонился и поцеловал его.

— Больше не буду тебя пугать.

Ли Жуань чувствовал себя очень жалко — так легко успокоился от пары слов. Он достал свёрток и сунул в руку Цзян Шэню:

— Вот то, что тебе нужно.

Цзян Шэнь развернул — точная копия того самого секретного письма.

Ли Жуань спросил:

— С этим письмом ты сможешь найти настоящего убийцу, того, кто хотел тебя погубить?

— Должен, — Цзян Шэнь показал на красную отметку. — Это тайная печать императора. Весьма немногие видели её и ещё меньше способны подделать. А вот этот почерк... Даже если письмо подделано безусловно, при тщательной проверке всё равно найдутся следы. Всё станет ясно.

Ли Жуань кивнул.

Он не знал, как именно это можно выяснить, но раз Цзян Шэнь сказал, что сможет — значит, действительно сможет.

Цзян Шэнь снова заговорил.

— Но...

Ли Жуань поднял глаза.

— Что?

— Найти такие вещи — непросто. После возвращения в столицу мне, возможно, придётся долго быть занятым, — он посмотрел на Ли Жуаня и вздохнул. — Я, наверное, долго не смогу тебя увидеть.

Ли Жуань прикусил губу, ничего не ответил.

Он молчал некоторое время, затем тихо спросил:

— Тогда... когда ты уйдёшь?

Цзян Шэнь ответил:

— Карета, притворяющаяся моим южным кортежем, должна прибыть к подножию Чанмин послезавтра днём. Я собираюсь встретить их тогда и вместе отправиться в столицу.

Ли Жуань моргнул.

Значит, уходить нужно не сейчас.

Ли Жуань сразу почувствовал себя куда лучше.

Он быстро прикинул: сейчас утро — значит, у них ещё чуть больше трёх дней вместе.

Довольно много.

Ли Жуань осторожно коснулся стеклянной бусины, спрятанной в рукаве.

Тогда я побуду с тобой ещё эти три дня.

Ли Жуань радостно подумал про себя.

<http://bllate.org/book/14444/1277239>